

Виктор Семёнов

A pencil sketch of a room. In the foreground, there is a typewriter on a desk and a chair with a cup and saucer. In the background, a large arched window looks out onto a cityscape with several domes and buildings. The drawing is done in a loose, sketchy style with cross-hatching and shading.

Совокупность
совершенства

Рассказы

Виктор Александрович Семёнов

Совокупность совершенства

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39142100
ISBN 978-5-9908188-9-7

Аннотация

В этом сборнике есть фантастические рассказы, описанное в которых, возможно, вскоре станет реальностью. Есть смешной реализм, который иной раз выглядит менее правдоподобным, чем любая фантастика. Но, по сути, все эти истории о Любви.

Содержание

Свет и тени	5
Межа	24
SosУля	43
Нить Ариадны	61
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Виктор Семёнов

Совокупность совершенства

В этом сборнике есть фантастические рассказы, описанное в которых, я верю, вскоре станет реальностью. Есть смешной реализм, который иной раз выглядит менее правдоподобным, чем любая фантастика.

И кроме всего прочего, любые совпадения – случайны, а персонажи – вымышлены.

Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства.

К колоссянам 3:14

Свет и тени

Знаете, я свято верю в то, что мысли одного человека оказывают сильнейшее влияние на внутреннее состояние другого, а чем ближе эти люди и чем более концентрирована мысль одного из них, тем сильнее это влияние. Просто ты не всегда можешь идентифицировать чужую идею внутри своей системы. Она кажется хорошо защищенной от любого внешнего воздействия, но на деле в нее залетает всякое – и полезное, и мусор, – и не всегда получается закрыть границы для этого самого мусора.

Это никакая не философия, я ощутил действие процесса на собственной, так сказать, шкуре довольно рано, лет в двенадцать. Я сидел на уроке математики и усиленно концентрировался на словах учительницы, одновременно вчитываясь в лежавший передо мной брайлевский текст учебника. И тут мне ни с того ни с сего очень захотелось чего-нибудь солененького. Огурчика, например. Проглотив слюну, я отогнал это странное для меня желание: я не был голоден и в принципе не любил соленые огурцы. Еле досидев до конца урока, я влез в портфель, в который заботливая мама обязательно укладывала мне что-нибудь перекусить, и, обнаружив там бутерброд с сыром, жадно впился в него зубами. Это был, конечно, не лучший заменитель огурца, но хоть что-то. А в класс тем временем поболтать с математичкой заглянула

учительница русского языка и литературы, и первая сказала второй нечто, заставившее меня всего превратиться в слух. Она сказала, что очень, очень, очень хочет чего-нибудь соленького. Огурчика, например. Учительница русского предположила, что коллега беременна, а та в свою очередь задумалась над этим предположением, скоро оделась и убежала куда-то (может, в аптеку). Через несколько месяцев у нас появился другой учитель математики. Я же потом неоднократно замечал у себя странные, несвойственные мне мысли и желания и почти всегда мог идентифицировать причину их возникновения.

И вот когда я в последний раз ехал рядом с Надин, наслаждаясь тем, что к обычным ее ароматам добавился запах, в котором я уловил что-то похожее на ежевику, то в сплетение мелодий и ритмов, нескончаемым потоком бурливших внутри моего естества, вдруг вторглась мысль настолько странная, насколько и страшная и уж совершенно точно не имевшая ко мне никакого отношения, даже несмотря на некоторые особенности моей телесной оболочки.

Но, по-моему, я чуть-чуть забежал вперед, что вполне возможно: когда я вспоминаю о ней, сердце начинает быстрее гнать кровь по венам, и я физически ощущаю это совершенно дикое ускорение.

То утро началось как обычно – со звонка Архипа. Он предлагал подать автомобиль, но была среда, а по понедельникам, средам и пятницам я добирался до студии на метро.

Думаете, он не знал, что сегодня была среда? Конечно, знал. Но все равно раз за разом в каждый из этих трех дней недели он звонил мне в восемь утра, предлагая воспользоваться автомобилем. Меня очень умиляла эта забота о моей скромной персоне, и я, безусловно, понимал его: по мнению зрячего человека, почти незрячему перемещаться на общественном транспорте современного российского города, коим, разумеется, являлся Санкт-Петербург, опасно, как он говорил, «очень опасно». Я же пытался ему объяснить, что мне жизненно необходимо было стать частью этого мегаполиса, самой настоящей частью: не просто слушать шуршание шин из салона автомобиля, в котором пахло освежителем воздуха и терпким парфюмом водителя, а находиться внутри города, соприкасаться с его звуками, запахами, людьми. Была б моя воля, я каждый день ездил бы на метро, но этого Архип мне точно никогда не разрешил бы. «Ведь можешь себе позволить машину!» – обычно кричал он. Я действительно мог, но, как уже говорил, дело было не в этом. Играло роль и еще одно обстоятельство, но о нем чуть позже. В итоге я выбил себе эти три дня и упорно стоял на своем, несмотря на его непрекращавшиеся звонки в восемь утра.

Квартира моя, двухкомнатная и небольшая, являла собой вершину чистоты и порядка, что, как вы понимаете, было не какой-то моей прихотью, а жизненной необходимостью, поэтому каждый предмет имел свое место и возвращался именно туда после использования. Конечно, у меня был по-

мощник – женщина, которая убиралась в квартире дважды в неделю. Каждый раз после ее качественной, в общем-то, работы мне приходилось возвращать некоторые предметы на свои места, и если кто-нибудь увидел бы меня со стороны, то стал бы зрителем странного фильма – смешного и в то же время грустного. Я не ругал ее, она и сама чувствовала себя очень неудобно, если иногда забывала место той или иной бытовой мелочи, и к определенному моменту нашего с ней взаимодействия мы достигли понимания.

В то утро все, что мне было нужно, оказалось на месте, поэтому к восьми тридцати я благополучно вышел из дома.

Выглядело это всегда так: один шаг вперед, разворот, закрытие двери, разворот, десять шагов налево до лифта. Там обычно в это время уже ехал мужчина с десятого этажа со своим шпицем, и я, узнавая их по аромату одеколona хозяина и запаху шерсти собаки, еще до их приветствия желал им доброго утра. Далее следовал несложный выход из парадной во двор и из двора на улицу. Затем полтора километра прямого, как палка, тротуара, переход дороги под свистевший специально для меня светофор и станция метро, популярная в этот час среди людей совершенно разных звуков и запахов. Путь был мне знаком до мельчайших подробностей, включая ямы, лужи во время дождя, трещины и выбоины на асфальте, места, где обычно скапливался мусор, где могли быть собачьи, а может и не только, экскременты. Необходимые бытовые мелочи были сложены в рюкзак, он спокойно

покачивался за спиной, не доставляя каких-либо неудобств, и, таким образом, левая рука у меня оставалась абсолютно свободной, что еще более упрощало мне перемещения.

В принципе, только в вестибюле станции я впервые по-настоящему начинал использовать трость. До того она просто занимала свое формальное место в моей правой руке. Сквозь турникет, дающий доступ к эскалаторам, которые несли утренние пассажиропотоки вниз, было проникнуть немного сложнее прочего, но практиковался я предостаточно, поэтому научился успешно преодолевать и это препятствие, и, как и все, спускался к поездам. Затем шел ровно двадцать три шага до той точки, где обычно располагалась третья от головы состава дверь второго вагона, заходил и садился на самое правое место шестиместного сидения – так, чтобы было удобно выйти через восемнадцать минут, или шесть остановок.

И тут, собственно, и происходило то, что стало второй причиной, неудержимо тянувшей меня сюда, вниз, в это столпотворение утреннего часа пик. Рядом со мной садилась она. Касаясь, всегда немного касаясь моего бедра, она усаживалась слева, обдавая меня ароматом духов и своей кожи – легким запахом жасмина и зеленого яблока. Она почти всегда сидела здесь, рядом со мной, и либо слушала музыку в телефоне, либо читала, иногда задевая меня краешком своей книжки. Конечно, я слышал все, что играло в ее наушниках, и ее музыкальный вкус мне нравился, хотя из-за определен-

ных профессиональных моментов понравиться мне в этом аспекте было ох как непросто. А однажды, месяцев шесть назад, я услышал в ее телефоне свой трек, и мурашки побежали по моей коже оттого, что дыхание ее, глубокое и свободное, замерло на секунду, а потом, как ни в чем не бывало, поплыло дальше, заставляя, наверное, подниматься и опускаться грудь. Трек мой продержался в ее хит-параде восемь дней – на два больше, чем ремейк Синатры от московских ребят под названием «Ночью», и на день меньше, чем новая песня Адель.

Здесь, наверное, будет честно немного рассказать о том, чем же я занимаюсь. Я начал увлекаться музыкой с детства, а профессией это стало полтора года назад, когда размещенный мной в Сети трек под названием «Нонсенс» заметил Архип Павловский, собственник рекорд-лейбла «Триада», и, недолго думая, предложил мне присоединиться к ним. Я писал музыку, тексты, пел, сводил все в готовый продукт, и продукт этот пользовался спросом соответствующих медиаресурсов. Однако то ли в силу природной скромности, то ли боязни публичности я фигурировал в медиасреде как некий мультяшный персонаж по имени Месье Дарвин.

Всего лишь полтора года, а казалось, целую вечность назад, тогда мне было восемнадцать, и Архип не сразу поверил в это, пришлось даже предъявить ему паспорт. А как он переживал из-за этих моих особенностей зрения! Его волнения по поводу меня сейчас казались просто ерундой по сравне-

нию с тем, как он опекал меня тогда, в первые дни и недели нашего с ним знакомства. И без толку было ему объяснять, что это не вчера все случилось, что я с рождения не знаю иного, что так я словно рыба в воде. Он слушал только свое беспокойное сердце, повязывал себе на глаза платок и ходил по студии, как краб, натываясь на все и всех, пока какой-нибудь музыкант не останавливал его.

Ну, да я отвлекся. Имя ее было Надин. Вообще-то, Надя, но мама называла ее Надин, и я, думая о ней, называл так же. Мама частенько звонила ей именно тогда, когда она ехала в вагоне метро, они говорили, пока связь не обрывалась, а затем, на следующей остановке, Надин перезванивала, и они обсуждали все то, что не успели на первом перегоне. Обычно двух таких перегонов им хватало для общения, потом мама начинала ругать Надин, и девушка старалась свернуть беседу. Мама ее жила в Мурманске. Я слышал далеко не все, что они говорили, но многое, поэтому знал это.

В последний раз я ехал с ней в понедельник. Она включила River Эминема, и к ее обычным ароматам добавился этот ежевичный, а затем... «Что лучше взять, мелаксен или донормил, и сколько нужно принять того или другого, чтобы наверняка уже не проснуться?» – подумалось мне, а Надин встала и направилась к выходу из вагона. Мысль эта исчезла вместе с ней, но я не связал тогда одно с другим, мысль улетела так же быстро, как и появилась, и я, забыв о ней, погрузился в мелодию, которая вдруг заиграла в голове.

Сегодня был особенный день. Сегодня я решил впервые заговорить с ней. Среда – середина рабочей недели и самое время для новых свершений, сказал я себе и даже приготовил первую фразу: «Что у вас сегодня в меню – Пинк или „Дестинис чайлд“?». Усевшись, я отчаянно завертел головой в поисках полюбившегося мне запаха жасмина. Его не было. Пахло перегаром и потом. Я, как ищейка, водил носом во всех направлениях, стараясь поймать знакомые нотки зеленого яблока, но безрезультатно. Надин не было. По крайней мере, в радиусе пятнадцати метров точно. Я повернулся к запаху перегара и поинтересовался, какая будет следующая остановка. После секундной паузы мне ответил низкий мужской голос, и я доподлинно убедился в том, что никакой Надин рядом со мной не сидело.

Через восемнадцать минут я вышел из вагона, поднялся на эскалаторе, добрался до здания, в котором располагалась студия Архипа, и занялся тем, чем занимался последние две недели, – направился записывать вокал. Однако внутри все тряслось от каких-то странных предчувствий. Случалось, Надин не появлялась в вагоне, но я знал: она уезжала к маме. Слышал их разговор. И знал, когда она вернется. Но в этот раз ни о чем подобном она не говорила. Она не собиралась в Мурманск. У нее была сессия на носу. Я с трудом отработал день, и, когда, протянув ладонь, Архип сказал мне, что машина будет в девять ноль-ноль, я ответил ему однозначным отказом, завив, что завтра поеду на метро. Биг босс

промолчал, наверное, разглядывал мое лицо на предмет серьезности заявления. Потом молча же отпустил домой, увидев, похоже, нечто такое, что не позволило ему вмешаться в мое решение. Но на следующий день этот бунт не дал мне ровным счетом ничего: Надин снова не оказалось в вагоне. На ее месте сидела женщина, пахнувшая лаком для волос и кожей своей, видимо, совсем еще новой куртки. Она нечаянно коснулась моей руки газетой, которую, скорее всего, взяла при входе, и развернула ее, приготовившись читать. Я не мог больше сидеть на этом месте и, поднявшись, начал идти в сторону хвоста состава, пытаясь учуять запах духов Надин или яблоневого аромата ее кожи. Маневр мой, неожиданный как для пассажиров, битком набивших поезд, так и для меня самого, вызвал реакцию странно сдержанную. Вокруг все шипело, шептало, шелестело, но не кричало и не вопило, и я медленно, но верно продвигался в конец вагона. В итоге, отдавив несметное количество ног, я выбрался из вагона на следующей остановке и, пройдя еще несколько метров к хвосту поезда, зашел в другой с той же самой благородной целью – найти так неожиданно исчезнувшую Надин. Цель была такой же благородной, а результат таким же отвратительным: в этом вагоне моей соседкой вновь и не пахло.

Произошла катастрофа. Потеря потерь. Хотя мы не были официально представлены друг другу и даже ни разу так и не заговорили, все равно за эти месяцы поездок локоть к локтю, запахов, звуков, песен и разговоров с мамой она умуд-

рилась стать настолько близкой мне, что это ее отсутствие ударило меня словно обухом по голове. На какое-то время, охваченный отчаянием, я умудрился потерять ориентацию в пространстве, и дикий страх заполнил мое сознание, вытеснив оттуда все остальное. Но несколько мгновений спустя поезд начал торможение, приближаясь к станции, пассажиры засуетились, стараясь оказаться поближе к дверям, и этой поднявшейся людской волной меня вынесло на отмель чьего-то освободившегося места. Я, вцепившись в поручень, сел и, отдышавшись, поехал дальше, благо моя остановка была еще не очень скоро.

Добравшись до студии, я практически сразу устроился за синтезатором и начал наигрывать то, что сформировалось у меня в голове, хотя должен был идти напрямиком в аппаратную записывать вокал. Я думал совсем не о вокале: Надин куда-то запропастилась! Однако почему-то меня не дергали ни Архип, ни Николай, его помощник и, по всей видимости, любовник, если я, конечно, правильно понимал их разговоры, которые не предназначались ни для моих, ни для чьих-либо еще ушей. Тем не менее из-за особенностей моего слуха некоторые отрывки из них я выхватывал, даже несмотря на то, что находилось начальство обычно в соседнем помещении студии. Сегодня же они сидели рядом. Я наигрывал на синтезаторе мелодию, закрутившуюся в голове, а ребята слушали молча, что было очень непохоже на них. Затем Архип предложил Николаю включить запись, и тот, молча же

согласившись, – нонсенс для их маленького сообщества! – встал и проделал необходимые манипуляции с ноутбуком. А я наиграл саунд, потом принялся за текст, синхронизируя второе с первым, а спустя часа два взялся за вокал.

Сладкая парочка моих начальников теперь скрывалась в переговорной, которая соседствовала с тем помещением, где находился я. Они думали, что разговаривали достаточно тихо, чтобы я их не слышал, но это мнение имело право на существование лишь в том случае, если я был полностью поглощен процессом. Но как только я, отдыхая, фокусировался на окружающей среде, звуки, наполнявшие ее, незамедлительно врывались в пространство слуховой системы, предоставляя доступ к информации, которая в большинстве случаев была, безусловно, секретной. И сейчас негромкий диалог Архипа и Николая вовсе не предназначался для чьих-либо ушей, тем более моих, но вышло так, что именно в ту секунду я отвлекся и прислушался, пытаюсь понять, кто из обитателей студии где находился. Начальство оказалось рядом, в соседней комнате, и обсуждало как раз то, что делал я. Николай очень эмоционально говорил другу, что, похоже, мне кто-то подсунул записи раннего Джона Бон Джови и этому кому-то кое-что не мешало бы оторвать, ведь я отвлекся от задач, которые должен был выполнить сегодня. Архип взволнованно похрипывал в ответ на словесный поток, обрушивавшийся на него изо рта друга и коллеги. А потом выдал гневную тираду: пусть, мол, Николай даже и не думает

прерывать мою работу над новой песней. По субъективному мнению Архипа, это был шедевр, раньше ничего подобного на русском языке не создавалось и они стояли на пороге чудесного прорыва в будущее музыкальной индустрии. Мне же было не до будущего: настоящее уж как-то чересчур грубо схватило меня за горло. Вытащив из себя все, что накопилось за нервное утро четверга, я собрался домой, сказав вышедшему меня проводить Архипу, что завтра поеду на метро. Он, к моему великому удивлению, согласился без своих обычных увещеваний, и я растворился в запахах летнего города и его звуках, завораживавших разнообразием и красотой.

В пятницу Надин не появилась, и я все выходные просидел в студии, не вставая из-за синтезатора. Не было ее и на следующей неделе. Каждый божий день я спускался в транспортное подземелье, заполненное миллионами разных запахов, среди которых не чувствовалось только того самого жасмина и зеленого яблока. Шли дни и недели, трек писался за треком, Архип и Николай сдували с меня пылинки так, как еще никогда не сдували, и шептались в разных уголках студии, стараясь укрыться от моего всеслышащего уха. Каждодневные поездки в метро сменились на трехразовые, как и было до исчезновения Надин, затем на двухразовые – понедельник и пятница. А потом в одну из пятниц, когда Архип, как обычно, позвонил в восемь и, не надеясь ни на что, предложил подать авто, я вдруг согласился, и было это настолько

неожиданно как для него, так и для меня, что в нашем разговоре возникла десятисекундная пауза. После я полностью перешел на автомобильную пятидневку к огромной радости и удовлетворению Архипа.

В одну из пятниц, спустя уже, наверное, месяца два с исчезновения Надин, мы всей «Триадой» констатировали тот замечательный факт, что в ноутбуке Архипа в папке со скучным названием «Не Бон Джови» сияли новизной двенадцать треков, сведенных в один альбом «Ра». На египетском боге солнца настаивал Николай, в основном по причине того, что одна из песен именовалась именно так. Архип в этот раз не стал перечить ему, а мне не было до названий никакого дела. У меня в голове уже сутки крутилась мелодия, требовавшая немедленного освобождения, но эта суета сует никак не позволяла мне остаться один на один с инструментом. А тут еще парочка моих боссов задумала корпоративный ужин в китайском ресторане на Шестой линии Васильевского острова, а когда я попытался отказаться, Архип оборвал меня не терпевшим возражений хрипом.

Васильевский остров источал странную смесь запахов. Тут были и мокрый асфальт тротуара, и плесень старых каменных стен, и что-то необъяснимое, то, что я не смог бы описать словами, а только музыкой. Однако инструмент был так же далек, как луна, а когда мы вошли в ресторан, на меня обрушилась такая мощная лавина ароматов, что я тут же забыл о том, что было там, за пределами этих великих ки-

тайских стен. Ребята выбрали утку по-пекински и сливовое вино. Я с удовольствием съел свою порцию мяса, а от вина отказался – странные вещи творило со мной оно: музыка внутри переставала играть и тексты почти не давались. Хотелось лишь слушать, слушать, слушать, но не получалось творить. Все разговоры вертелись вокруг нового альбома, и Архип, напомнив, что один трек уже неделю крутится на радио, добавил, что в выходные попадут в ротацию еще как минимум два, а через неделю мы начнем интернет-экспансию на слушателя. Вино у них кончилось так же быстро, как мое терпение от подобного времяпровождения, и я неимоверными усилиями все же выторговал себе свободу и, смело отказавшись от автомобиля, покинул пирушку, чтобы вновь очутиться во власти странных, малообъяснимых запахов острова.

Эти места я знал не идеально, поэтому сосредоточился на движении к станции метро «Василеостровская», до которой было от силы метров семьсот, стараясь никого не сбить и ни во что не врезаться по дороге.

У самой станции я на несколько минут замер, пытаюсь вспомнить расположение входа. Как мне показалось, вспомнив, направился в сторону, где он должен был находиться, но вместо предполагаемых ступенек вверх уперся своей белой тростью в нечто похожее на урну и в задумчивости снова остановился. Я стоял, не двигаясь, минуты три и прислушивался к происходившему вокруг, затем определил нуж-

ное направление по звукам незарастающей народной тропы, шуршавшей совершенно разными видами обуви прямо к ступенькам станции. Я последовал за людьми, поднялся, шагнул внутрь, спустился, дождался поезда, зашел в вагон, сел... И тут же рядом со мной возник аромат зеленого яблока и запахло чем-то похожим на апокалипсис: кто-то слушал мой новый трек, который уже неделю как крутился на радио. Я не чувствовал ни жасмина, ни сладкой ежевики, но запах ее кожи я не мог спутать ни с чем. Не существовало на свете такого второго.

Я повернулся к ней и сказал не совсем то, что планировал в ту уже оставшуюся далеко позади среду. Сказал, что вскоре выйдет второй и третий трек, и спросил, куда же она исчезла. Надин повернулась ко мне. Я услышал ее дыхание, она, видимо рассматривала меня. Потом сказала, что помнит меня, что я постоянно садился рядом с ней, и, не ответив на мой вопрос, задала свой. Она хотела знать, что у меня с глазами. Я объяснил, что это с рождения, что я вижу только свет и тень, и она вновь задышала громче обычного, видимо, раздумывала над услышанным. Потом рассказала, что уезжала на месяц в Мурманск. Что решила убежать от депрессии. А сейчас ехала от подруги. Мы разговорились, и закрутились водоворотики слов сначала вокруг учебы, затем нового сезона «Игры престолов», потом мы вплотную подошли к музыке и уже не уходили от нее, аккуратно запуская друг в дружку свои мнения относительно того или иного му-

зыкального факта. А затем она произнесла слова, заставившие уже меня примолкнуть и взволнованно задышать, обдумывая их. Надин сказала, она думает, что мысли одних людей могут влиять на внутреннее состояние других. И что музыка, зазвучавшая однажды в ее голове, фактически спасла ее в тот момент, когда она уже окончательно решила для себя все. Проблема была только в выборе снотворного. И тут внутри нее зазвучала мелодия, и эти мысли исчезли. «Какая мелодия-то?» – спросил я и получил в ответ то, что повергло меня в состояние грогги. «Сейчас дам послушать», – произнесла Надин и включила в телефоне все тот же мой трек, который уже неделю крутили по радио. Она сказала, что в ней заиграла эта баллада и она выбросила из головы чушь со снотворным и решила уехать на Кольский залив. Баренцева моря. В Мурманск. К маме. А неделю назад композиция начала свое путешествие по радиоволнам, и она узнала, что это песня Месье Дарвина «Море».

Некоторое время мы сидели молча, а затем я предложил Надин поехать ко мне, сказав, что могу сыграть ей эту вещь в оригинале и добавить кое-что еще, что пока не появилось в медиапространстве. Она не поняла, о чем я, и тогда я сделал то, что ни разу в жизни себе не позволял. Я попросил Надин проводить меня домой, сославшись на незнакомую мне ветку метро. И она согласилась.

Спустя час, мы сидели в моей идеально чистой квартире, и я, наигрывая на шестиструнке мелодию, негромко пел ей,

а она слушала, затаив дыхание и источая этот свой удивительный аромат. Я закончил и, аккуратно прислонив гитару к спинке стула, посмотрел в ту сторону, где, предположительно, находилось ее лицо. Надин некоторое время молчала, а потом улыбнулась (я понял это по тому, как она произнесла следующую фразу) и разрешила мне «рассмотреть» свое лицо. Затем я играл ей еще и еще.

Она осталась у меня на ночь. Так я узнал, что губы Надин были на вкус как спелый персик. А тело ее оказалось упругим и податливым под моими не знавшими ничего такого раньше руками.

А утром, около восьми, меня разбудил звонок Архипа, который, несмотря на субботу и вчерашние посиделки, уже находился в студии и очень хотел узнать, не нужно ли мне подать машину. Я прислушался к дыханию Надин, ровному и глубокому. Она еще спала и, похоже, не собиралась просыпаться. Я попросил у Архипа выходной, и за его легким зевком – я был в этом уверен – таилось тщательно скрываемое удивление. Он помолчал и осторожно запустил в мою сторону бильярдный шарик вопроса о том, все ли в порядке. Я заверил его, что да, лучше, чем когда бы то ни было, и он, чуть успокоившись, напомнил, что ждет меня завтра.

Надин проснулась около десяти, приняла душ, выпила кофе и спросила меня, чем я думал заняться сегодня. Я сказал, что изначально и субботу, и воскресенье должен был провести в студии: работа над альбомом шла полным ходом.

Теперь же, принимая во внимание факт появления Надин в моей скромной обители и то, что произошло между нами ночью, я освободил субботний день и, если у нее нет принципиальных возражений, готов составить программу совместного времяпровождения. Надин не выразила никаких возражений, сказав, что только заскочит к себе переодеться.

Как и договорились, мы встретились через полтора часа у станции метро, и она потащила меня в парк, расположенный в двух остановках отсюда. Мы провели там около двух часов, и я принял решение о следующей точке нашего субботнего маршрута – пригласил ее в ресторан «Темнота», где люди принимали пищу при полном отсутствии света. Она вышла из ресторана сытой и довольной, но немного задумчивой и на обратном пути ко мне несколько раз брала меня за ладонь, держала ее некоторое время, а затем отпускала. После того как она утром побывала в своей квартире, к аромату зеленого яблока вновь добавились запахи жасмина и ежевики, а мою гостиную мы наполнили нотками изабеллы, бутылку которой я прихватил в одном ресторане, куда иногда захаживал перекусить.

Мы пили вино, болтали, я играл ей, после мы снова переместились в спальню, и вместо вчерашнего вкуса персика я наслаждался все той же изабеллой на ее губах... Потом мы говорили еще. Мы лежали, а в незашторенное окно моей спальни нас рассматривал желтый глаз огромной красавицы луны. Об этом сказала мне Надин. Она пожелала мне

спокойной ночи и, обняв, приготовилась, видимо, отойти ко сну. Я пожелал ей того же самого и закрыл глаза. «По-моему, черт побери, я влюбилась», – прозвучало вдруг в голове. В изумлении я распахнул веки, пытаюсь понять, что произошло. С большим трудом, но я все-таки заснул в ту ночь.

А утром я взял ее с собой в студию.

Межа

Белая воскресная ночь плавно втекла в утро понедельника. Николай Степанович глянул на часы. Они показывали четыре. Накинул потертую светлую куртку, взял свою старенькую двустволку ИЖ-27, стоявшую в коридоре у стенки, посмотрел на фотографию жены, Марии Григорьевны, умершей год назад, перекрестился и вышел из дома. На крыльце он остановился (он всегда останавливался на крыльце) и любовно осмотрел свой участок, привычно перемещая взгляд против часовой стрелки. Перед его глазами проплыли заросли крыжовника, красной смородины, пара кустов малины. Затем старый, немного покосившийся забор, а за ним дорога. А слева пять березок, расположившихся точнехонько по меже, разделявшей его землю и владения соседа. Никакого забора между их участками не было. Николай Степанович залюбовался красивыми деревьями, которые сам сажал в начале пятидесятых под чутким руководством отца, Степана Матвеевича, и мачехи, тети Зины. Так он ее называл, а она ругалась: «Ну какая я тебе тетя?» Не было, давно уже не было на земле ни Степана Матвеевича, ни тети Зины, а березки все росли, жили и радовали глаз Николая Степановича своей простой русской красотой. Постояв минуту, он пошел дальше, к забору, тихонько скрипнул калиткой и ступил на влажную грязь деревенской дороги. Николай помедлил, раз-

глядывая лужу; вчера вечером ее еще не было.

– А ночью опять лил дождь, – тихо сказал он.

Он направился к остановке автобуса, находившейся в километре от его дома. Первый автобус в районный центр должен был появиться через двадцать минут – как раз хватит, чтобы спокойно добрести до нее. Хватило и пятнадцати. Автобус приехал с пятиминутным опозданием, и Николай Степанович забрался внутрь, кряхтя и ругая провинившегося, с его точки зрения, шофера. Ехали около часа. За окном старенькой муниципальной тарактелки поля сменялись лесами, а леса – полями. С интервалом в двадцать минут автобус остановился в двух деревеньках, но в салон никто не подсел. Пассажиров, кроме Николая, было двое: женщина лет сорока и парень, развалившийся на двух сиденьях на галерке транспортного средства. Парень спал, и сон его сопровождался богатырским храпом. Когда трели становились невыносимо звонкими, женщина поворачивалась и недовольно смотрела на него. Николай сел за дамой и оказывался на линии огня ее больших голубых глаз в моменты, когда она оглядывалась на спящего юношу.

– С Алексеевки едет, – сказала она, кивнув в сторону парня. – Храпит, как черт.

Николай Степанович молча сдвинул материю со своей двустволки, показав женщине темный металл оружия. Она захлопала глазами, не понимая, чего он от нее хочет, одновременно с этим поправляя свой цветастый платок, который

немного съехал на левый бок, обнажив несколько прядей черных как смоль волос. Николай сделал характерное движение, как бы предлагая женщине взять оружие. Она рассмеялась и сказала, махнув рукой в сторону парня:

– Много чести – патроны переводить. Может, у вас есть нож?

Настала очередь Николая Степановича удивленно хлопнуть ресницами. Женщина снова рассмеялась, заявляя тем самым о шуточности своей реплики, и спросила уже чуть более серьезно:

– Вы в город?

Николай кивнул.

– На рынок?

– В администрацию, – сказал он.

– Дело!

– А то. К землеустроителю.

– О!

Дальше ехали молча. Храп третьего пассажира то стихал, то разгорался с новой силой и прекратился лишь тогда, когда шофер открыл двери на первой из всех остановок, которая выглядела более или менее прилично, – все-таки районный центр – и крикнул, увидев, что парень вовсе не собирался покидать транспортное средство:

– Приехали, спящая красавица! Или вылазь, или снова плати за билет – повезу тебя взад.

Парень зашевелился, а Николай Степанович степенно

спустился по двум грязным ступенькам на не менее грязный асфальт тротуара. Женщина сошла перед ним и очень быстро удалялась куда-то в сторону рынка. Николай двинулся в противоположном направлении. Пройдя по Пролетарскому проспекту метров двести, свернул направо, на улицу Розы Люксембург, на которой и находилась финишная точка его маршрута. Дело шло к шести утра – городок еще спал. Редкие прохожие, встречавшиеся на пути Николая, собачники и спортсмены, несли на своих лицах хмурую печать недосыпа. Застройка городка, каменная, в основном пятиэтажная, немного смущала Николая скученностью, а фасады домов – обшарпанностью. Но он упрямо шел вперед, сфокусировавшись на своей задаче, и через десять минут оказался у двухэтажного грязно-серого здания районной администрации. Десять потрепанных временем и трением ног просителей ступенек и горизонтальная плита крылечка вели к двери, цветовая гамма которой не отличалась от фасадной части здания. Над входом гордо развевался государственный триколор, а чуть правее на стене была прикручена табличка с обозначением статуса заведения. На крыльце, улыбаясь Николаю, стояла пожилая женщина в легком светлом плаще и с огромной холщовой сумкой в руках.

– Явился? – спросила она.

Тот кивнул и поднялся к ней. Женщина протянула ему связку ключей. Николай Степанович взял ее и пристально рассмотрел, благо ключа было всего два.

– Длинный – от пожарного выхода. Там, с торца. – Женщина показала рукой направление. – Маленький – от кабинета Холмогорова.

– Спасибо, Михайловна, – поблагодарил Николай и направился было вниз, но остановился, не пройдя и половины ступенек, и вновь повернулся к ней. – Ты в деревню бы съездила. Дом твой совсем плохой.

– Сын пусть занимается. Я-то чего? Чего могу? Я здесь. Уборщицей. – Женщина кивнула на здание администрации. – Хоть платят.

Николай вздохнул и продолжил спускаться.

Он обошел строение и, отперев длинным ключом обветшалую деревянную дверь пожарного выхода, проник внутрь. Затем поднялся на этаж выше, открыл вторым ключом кабинет районного землеустроителя Виктора Холмогорова, переступил порог, включил свет и с осторожностью осмотрелся. Помещение было небольшим, метров десять, и основную его часть занимал стол, обычный потертый офисный стол, заваленный какими-то документами, картами и планами. Слева от него, у стены, располагался тоже наполненный бумагами массивный шкаф, который использовался, видимо, как архив. Над рабочим столом чиновника висели два портрета – губернатора области и президента страны. Справа от входа стояли несколько небольших стульев, вероятно, для посетителей. Николай Степанович закрыл изнутри кабинет Холмогорова, аккуратно вытащил ружье из чехла, проверил его го-

товность, выключил свет и сел на один из стульев. Не прошло и десяти минут, как он задремал, а потом и вовсе заснул сном крепким, без сновидений – таким, каким засыпал в далеком теперь уже детстве. В детстве, когда мир был огромным, папа – молодым, мама – живой, а березки, которые он сажал по меже, – всего лишь маленькими зелеными кустиками.

Дверь в кабинет заскрежетала поворотами ключа в старенькой замочной скважине, и Николай проснулся. Сжавшись в один напряженный комок, он взял в руки стоявшее рядом со стулом ружье и замер, стараясь не шевелиться. Дверь открылась, зажегся свет, и мимо Николая Степановича, не заметив его, к своему рабочему месту прошел крупный, средних лет мужчина с небольшой сединой в коротко стриженных волосах. Мужчина ворчал, и достаточно громко: был, видимо, чем-то очень раздражен с самого утра.

– И что значит «зайдите ко мне»? – говорил он, приближаясь к своему креслу. – Вот так вот без чая и печенюшек, только пришел – и сразу бежать к тебе, да? Крыса! Дура старая!

Мужчина сел в кресло, посмотрел на часы, висевшие над входом в кабинет. И увидел Николая Степановича. Открыв рот, он уставился на гостя и на ружье в его руках. Оно смотрело прямо в крупное лицо землеустроителя, и в темной глубине обоих стволов ему послышался странный посвист. Медленно прошла минута, и Холмогоров, все-таки убедив себя в реальности происходившего, спросил у гостя, пытаюсь

сладить с дрожавшим от волнения голосом:

– Вы почему не в приемное время явились? У меня прием завтра. После двух.

– А-а. Извините, завтра зайду.

Николай поднялся со стула и взялся за дверную ручку.

– Помучайся еще денек. Такую сволочь действительно лучше в приемное время на тот свет отправить. А то вдруг в аду не примут. Вот будет фокус.

– Вы о чем, уважаемый?

Голос Холмогорова скатился до несвойственных ему ранее низов, а потом вновь устремился вверх.

– Как это о чем? – удивился Николай Степанович. – Ты что же, забыл? Забыл, как на участок мой приезжал с комиссией какой-то своей воровской? Как ты моему соседу, Чупину, границу его земли согласовал так, что мои березки у него оказались?

Глаза Холмогорова забегали, как будто внутри его головы начался мощнейший интеллектуальный процесс, а корни волос намокли от пота, хотя в кабинете не было жарко.

– Вы из Гурлёва, что ли? Помню, я в Гурлёво ездил недавно.

– Ответ неверный, – сказал Николай и взвел курок на своем старом ружьишке. – Верхнее Удолье. Что, забыл? Конечно, чего тебе помнить?

Николай Степанович закрыл глаза и нажал на спусковой крючок.

Открыл глаза. И оказался на скромной веранде своего дома в любимом кресле, повернутом к окну, за которым проглядывалась зелень его участка, вставшее уже солнце и, конечно, дорогие сердцу березы.

– Вот черт, – проговорил он, дотянувшись до стоявшей на столе чашки с черным чаем, – думать теперь ни о чем не могу. Только грязь эта. Вот сволочи! Завтра пилить хотят. Забор ставить.

Он вздохнул, опустил чашку обратно на стол и вышел во двор. Где-то в ветвях одной из березок грозно кричала о чем-то ворона.

– Ты чего, чего расшумелась?

Николай пересек участок и, подойдя к одному из деревьев, поднял голову вверх. Ворона вспорхнула и, не переставая каркать, через секунду улетела куда-то в сторону дома Чупиных, а с соседней березы неожиданно спрыгнул мальчишка. Рыжий, веселый и, как оказалось, беззубый.

– Чего кричишь? – спросил он у Николая Степановича, открывая в улыбке пустоты, которые вскоре должны были заполниться коренными зубами.

– Ты кто? – ответил вопросом на вопрос Николай.

– Я Вася.

– А чего ты, Вася, на моей березе делаешь?

– Мне дядя Володя разрешил.

– Какой это еще дядя Володя? Чупин, что ли?

– Да, – мальчик, все еще улыбаясь, смотрел на Николая

Степановича.

– А ты тогда кто?

– Я Вася, – повторил мальчик.

– Тьфу ты, – махнул рукой Николай.

Он пошел к дому, а мальчик хвостиком увязался за ним.

Николай, заметив это, остановился, а Вася, не ожидав такого, уткнулся рыжей головой куда-то в район его поясницы.

– Тьфу ты, – повторил Николай и, повернувшись на сто восемьдесят градусов, хмуро посмотрел на Васю. – Ты чего за мной увязался?

– Дай попить, – попросил мальчик, – пожалуйста.

– Чай будешь?

– С конфетами?

Николай Степанович пристально посмотрел на Васю.

– Почему с конфетами? С вареньем.

– Я хочу с конфетами, – заявил Вася.

– Тьфу ты! – Николай вновь совершил поворот и направился к дому.

Мальчик убежал на участок Чупиных, а через несколько минут вернулся к Николаю с горсткой леденцов в руках. Николай Степанович поставил чайник и организовал небольшое застолье на веранде.

– Ты родственник, что ли? Чупина? – спросил Николай.

Он поставил перед Васей чашку с чаем и блюдце, наполненное клубничным вареньем, которое ему каждую неделю носила Валя из пятого дома. Мальчик, не обратив никакого

внимания на варенье, закинул в рот конфету и сказал, обса-
сывая ее:

– У дяди Володи сестра есть родная. И эта сестра – моя
мама. Она в городе сейчас. И дядя Володя тоже. Я с бабуш-
кой здесь.

– Чего я тебя раньше-то не видал?

– Я обычно летом у другой бабушки жил. У моего папы
есть мама. Зина. Она моя бабушка. Другая. Понимаешь?

Вася сделал глоток чая и поморщился от его температуры.

– Маленько, – ответил Николай Степанович. – А сюда чего
не ездил?

– Мама не хотела. Ругаются они что-то.

– С кем?

– И с дядей Володей, и с бабушкой.

– Я тоже с ними ругаюсь, – сказал Николай, – и, скорее
всего, завтра их застрелю.

Он кивнул в сторону своей двустволки.

– Зачем это еще? – спросил Вася.

– Они мои березы хотят спилить. На завтра рабочих вы-
звали. Спилят, забор поставят, и баню себе будут строить.
Как раз на месте берез. А мне чего? Смотреть, как они с го-
лыми красными попами бегают там, где мои березки росли?
Я ведь их сажал, когда мне столько же лет было, как тебе
сейчас, наверное. Тебе сколько?

– Восемь, – ответил мальчик.

– Ну точно.

– А тебе?

– Что – мне?

– Сколько лет?

– Семьдесят три, – вздохнул Николай.

– Нельзя из-за берез людей стрелять, – серьезно сказал

Вася, присматриваясь к варенью.

– Мне, понимаешь, думается только об одном. Либо как я Чупиных того, либо мерзавца этого, жулика из администрации, который им помогал документы варганить. Три сотки им из воздуха присобачил и одну как раз вместо моих березок. Только об этом и думается. Караул.

Вася окунул ложку в варенье и, подцепив ягоду, понес ее к открытому в ожидании рту. Съел лакомство. Запил начинившим остывать чаем. И только потом сказал со всей серьезностью беззубого восьмилетнего человека:

– Моя мама тоже так говорила.

– В смысле? – не понял Николай Степанович.

– Говорила, что не поедет к ним никогда. И меня не пустит. Потому что как только с ними, так прямо задушить хочется.

– Почему?

Николай с интересом посмотрел на мальчика, а тот сделал еще один заход к блюду с вареньем.

– Потому что ругают ее.

– Ты, может, мне телефончик дашь своей мамы?

– Зачем?

– А мы с ней объединили бы усилия, – улыбнулся Николай.

– Она не будет, – серьезно возразил Василий.

– Почему?

– А я ей сказал, что нельзя людей душить за то, что они тебя ругают.

– И что?

– И мы сюда стали ездить. Мне здесь нравится. Лазить можно. Заборов вон почти нет. А если есть, то маленькие. А мама никого больше душить не хочет. Говорила. И головные боли у нее прошли.

– У нее голова болела? – спросил Николай Степанович и допил остатки своего чая.

– Постоянно. Говорила, что как только о брате думает, так сразу и начинает болеть.

– Подожди, – произнес Николай Степанович, – подожди, Вася.

Мальчик примерился ложкой для еще одного марш-броска, но залетевшая на веранду оса отвлекла его.

– Оса, – проговорил Вася.

– Ага, – согласился Николай. – Подожди. Я правильно тебя понял? Ты сказал маме, что нельзя никого душить из-за того, что ее обижают там или ругают, и она перестала об этом думать?

– Да, – серьезно ответил Вася. – Я в садике еще когда был, там Славка Паровозов с Ромой, не помню, как фамилия, сце-

пились из-за того, кто первым на празднике выступать будет. А я подошел к ним и говорю, нельзя, мол, из-за этой ерунды друг друга мутузить, и они разошлись по углам. Вера Васильевна мне сказала: «У тебя талант, Васька. Миротворцем будешь». Вот так.

– Воспитатель?

– Вера Васильевна? Да.

Вася все-таки зачерпнул варенья и понес ложку ко рту, но тут тишину разрушил вопль, раздавшийся откуда-то со стороны Чупиных. Вопил звучный женский голос.

– Васька! Где ты, рыжий черт?!

– Бабушка, – ухмыльнулся мальчик и доел варенье. – Пойду. Спасибо за чай.

– Не за что, – ответил Николай.

Он встал проводить гостя.

– Заходи, коли чего.

Вася улыбнулся и побежал к березам.

Николай Степанович зашел в комнату и лег на свой идеально заправленный диван, с которого открывался отличный вид на новый, купленный пару лет назад телевизор. Он включил его, лениво прощелкал каналы и выключил, так как самым приличным из увиденного были поедавшие жуков звезды, которых поселили на какой-то необитаемый остров. Николай Степанович закрыл глаза: в последнее время его как-то очень часто тянуло в сон, даже посреди дня. Сознание его уже почти затуманилось, но тут за окном раздалось уханье

мотора машины, по всей видимости, грузовой. Николай Степанович медленно встал с дивана, тихонечко подойдя к окну, бросил быстрый взгляд на улицу и снова скрылся за серой тканью занавески, как будто с той стороны его могли заметить опытные бойцы внешней разведки армии противника. К соседям подъехали два автомобиля – грузовой уазик и японский кроссовер Чупина. Из грузовика выбрались двое мужчин в спецовках, и Чупин, указав им фронт работ, зашел в дом, а они направились осматривать деревья. Николай Степанович схватил ружье и побежал было к выходу, но на крыльце остановился и повернул к небольшому сараю, находившемуся за домом в южной стороне участка. Там, в углу, на нижней полке, между сундучком с инструментами и бутылью самогона, стояла десятилитровая канистра керосина, которую Николай Степанович вытащил на улицу. Мужики уже начали настраивать бензопилу, потом вдруг остановились и зачем-то направились в дом.

Николай, выйдя через калитку на дорогу, миновал открытые ворота и оказался на участке Чупина. Он облил керосином припаркованный грузовик. Потратив две трети канистры на УАЗ, остатки Николай Степанович отправил на красивый кузов кроссовера соседа. Затем зажег большую каминную спичку и, бросив ее в грузовик рабочих, сразу же зажег вторую и кинул ее в машину Чупина. Потом снял с плеча ружье и, взяв его в руки, крикнул:

– Пожар!

Николай Степанович присел на искусственный пень справа от ворот. УАЗ загорелся быстро – деревянные части кузова занялись в течение минуты, а затем огонь перекинулся на кабину. Кроссовер горел нехотя, как будто не соглашаясь с участью, которую приготовил ему Николай. И мужики, и Чупин выскочили одновременно, а затем из дома вышли бабушка и рыжий Васька, в руках у которого была книжка Паустовского, видимо, для внеклассного летнего чтения.

– Ты что творишь, дед?! – закричал Чупин.

Николай вскинул двустволку и прицелился в него. Перед ним пронеслись лица – перекошенные ужасом работяг, крупное бабушки с раскрытым в беззвучном крике ртом, искаженное яростью Чупина. И только лицо Васи – улыбалось ему с крыльца их красивого дома. Потом губы мальчика как будто зашептали: «Нельзя, нельзя, нельзя». Николай опустил ружье и закрыл глаза.

Затем открыл их и сел на своем уютном, идеально заправленном диване. Потом встал и аккуратно выглянул из-за занавески. На улице никого не было. Стояла тишина, только ворона каркала где-то в ветвях одной из березок. Николай Степанович накинул свою светлую летнюю куртку, обулся, вышел на крыльцо и, постояв там секунду, вернулся в комнату. Открыл старенький секретер, в нижний ящик которого годами откладывалась часть его и так небольшой пенсии. Вынул оттуда пять тысяч рублей, сунул во внутренний карман куртки и снова вышел из дома. Постоял на крыльце ми-

нуты две, с любовью осматривая свою землю, и, выйдя на дорогу, не спеша направился к автобусной остановке.

На следующий день, часов в одиннадцать, кто-то заколотил в дверь. Николай Степанович только-только налил себе ароматного черного чая и принес его на веранду.

– Ну кто там еще? – проворчал он.

Дверь в дом была заперта с ночи, видимо, поэтому гость и не мог попасть внутрь; в течение дня Николай не закрывал ее.

За порогом перетаптывался рыжий Василек.

– Чего ты? – Николай пустил мальчика в дом.

– Дядя Володя в город поехал за рабочими. Сказал, через час будут.

– Он чего, выходной сегодня? Вторник же.

– Не знаю. Я просил его вчера не трогать деревья – он ни в какую. Говорит, я тебе горку поставлю, если станешь к нам приезжать. А там – баня будет.

– Баня – это хорошо, – задумчиво произнес Николай. – В бане никто не врет.

– Он говорит, дед сам виноват, не оформил свой участок вовремя. А теперь ему, тебе то есть, от одной сотки ни тепло ни холодно. Так говорит.

– Знаешь чего? – спросил Николай.

– Чего?

– Ты когда-нибудь сажал деревья?

– Нет, – ответил мальчик.

– Беги за лопатой, – сказал Николай, – и лейку какую-нибудь прихвати.

Мальчик внимательно посмотрел на Николая и выскочил из дома.

– Где сажать будем? – спросил вернувшийся Вася, осматривая аккуратно уложенные у сарая саженцы.

Николай Степанович в миллионный, наверное, раз оглядел свои – теперь немного уменьшенные – владения. Потом кивнул в сторону дороги:

– Видишь забор?

– Ага.

– За ним кусты крыжовника.

– Да.

– Дальше полоска земли метра четыре шириной.

Мальчик побежал к месту, которое указал Николай, и шагами померил расстояние.

– Четыре с половиной, – закричал он.

– Четыре, – ответил Николай, – у тебя шаг короткий. Там и будем сажать.

– Где копать? – крикнул Вася.

– Погоди, я сейчас.

Он взял пару маленьких березок, лопату и медленно пошел к мальчику.

А через час над соседними земельными участками прогремел звучный голос Чупина:

– Вася! Иди смотреть, сейчас пилить начнем!

Вася стоял рядом с Николаем Степановичем, наблюдая, как тот поливал из его лейки только что посаженное деревце.

– Все будем сажать? – спросил он, словно не слыша.

– Все.

– Все десять?

– Да. Тащи еще два.

Мальчик убежал к сараю.

А вечером, часам к восьми, Николай Степанович добрался до своего стола на веранде, где стоял не допитый им утренний чай. Он сделал глоток холодного, но сохранившего в себе остатки вкуса напитка и сел в кресло перед окном. Сквозь давно не мытое стекло просматривались только что посаженные березки. Усталость, приятная физическая усталость окутала его тело, и Николай закрыл глаза и откинулся в кресле.

Он оказался на берегу Черного моря, на феодосийской набережной, куда они вышли прогуляться с Валькой Фокиным, другом и сослуживцем. Им достались путевки в санаторий на три недели, и шла уже вторая.

– Смотри! – Валя кивнул в сторону двух девчонок, купавших мороженое. – Познакомимся?

Николай пожал плечами – он немного стеснялся, – но Валя, как танк, направился к выбранной им цели. Они подошли к девушкам, и Валя на правах инициатора первым вступил в диалог с ними:

– Привет!

Подруги оглянулись, и одна из них, миниатюрная брюнетка, улыбнулась, рассматривая Николая:

– Доброе утро!

– Меня Валя зовут, – сказал его друг, улыбаясь в ответ девушке.

– А меня Коля, – решил Николай.

– Очень приятно, – отозвалась вторая девушка, блондинка с длинными красивыми волосами. – Меня Нина. Надеюсь, вы не футболисты?

– Мы военные летчики! – приосанился Валентин.

– Хрен редьки не слаще, – усмехнулась Нина.

– А вас как зовут? – Николай посмотрел на брюнетку.

– Маша, – ответила та и снова улыбнулась ему.

SosУля

В бегах я был с августа.

К началу февраля движение по дороге моей замечательной жизни замерло в двухкомнатной квартире, расположенной по адресу Санкт-Петербург, Средний проспект Васильевского острова, шестнадцать. Квартира эта была на последнем этаже пятиэтажного дома и окнами выходила на проспект, что несколько разнообразило мой досуг. Я мог наблюдать за постоянной динамикой автомобилей и людей и статикой дома напротив, такого же пятиэтажного и древнего, как и тот, в котором томился я. В качестве наблюдательного пункта я избрал кухню. Там и окно располагалось чуть пониже, чем в комнатах, и мебель была установлена вплотную к старому деревянному подоконнику – садишься к столу и смотри себе на здоровье. Я не хотел бы особо распространяться о причинах, что привели меня в эту квартирную василеостровскую ссылку. Возможно, вы их и так знаете из новостей какого-нибудь желтенького интернет-ресурса, которые заполняют нечистотами массовое сознание примерно в том же объеме, в каком городская среда заполняет нечистотами прекрасную петербургскую речку, как раз и отдавшую свое имя одной из этих медиаканалов. Скажу так: причины были веские. Однако я надеялся, что все закончится хорошо.

Я сидел за кухонным столом и пил чай из большой крас-

ной кружки с надписью: «Вавилон – город как город», а рядом лежали открытая пачка «Бронкса», зажигалка и черный прямоугольник старенького телефона, который дала мне Уляна вместо моего навороченного смартфона. Сим-карту, вставленную в этот черный прямоугольник, также купила Уля, и номер был известен только ей одной. В квартире я находился уже два часа, час пятьдесят три из них на кухне, и все это время занимался не чем иным, как подбором новых вариантов фразы, которая прицепилась ко мне, едва лишь Уляна закрыла за собой дверь со стороны лестничной клетки и удалилась, цокая каблуками черных лакированных полусапожек.

– Ах, Уля, Уля-Уленька, целую тебя в губоньки за то, что ты ползешь, как муравей, – пробормотал я, делая глоток чая, и снова посмотрел в окно.

Из парадной дома напротив вышла бабушка, закутанная так, как будто на улице были все минус сорок, а не какие-то жалкие три градуса ниже нуля. Она огляделась и, не торопясь, фокусируясь на каждом своем шаге, направилась в сторону метро «Василеостровская».

– За то, что ты поешь, как «Шуга рэй», – продолжил я.

Из подвала дома напротив появился черный облезлый кот и, осмотревшись, юркнул обратно, не обнаружив, видимо, ничего, что могло бы привлечь его внимание. В парадную, соседнюю с той, откуда появилась бабуля, зашел представитель какой-то эксплуатационной службы, судя по расслаб-

ленно-зигзагообразной походке, он был слегка подшофе. Его оранжевую форменную жилетку, надетую поверх старенькой дубленки, покрывали пятна, вероятнее всего мазутные. Очевидно, мужчине срочно поручили очистить что-то от этого, прямо скажем, не самого безопасного на свете химического состава, а у него под рукой не оказалось ничего, кроме элементов собственного гардероба. А может, он просто решил поваляться в луже с мазутом.

– Ах, Уля, Уля-Уленька, целую тебя в губоньки! С тобой я словно в «Цирке дю Солей», – сказал я.

Я решил встать и направить свои стопы в одну из комнат, которая предполагалась как спальня. Во вторую вход мне был воспрещен. Ульяна закрыла ее и произнесла при этом вещь, парадоксальную в своей одновременной серьезности и шутливости:

– В эту комнату заходить нельзя. А то Синяя Борода отрубит тебе голову.

Вообще, квартира считалась жилищем ее двоюродной сестры Светы, но де-юре оставалась собственностью их бабушки, которая, вписав Светку в завещание, уехала жить к младшей сестре в Кингисепп. Сама же Светка свинтила на стажировку в Дрезден: она готовилась стать магистром международного права. А Синей Бородой Улька называла Светкиного ухажера, вечно поддатого фотографа Саню, бородатого и низкорослого, как гном Гимли, и агрессивного, как бледный орк, если к трем часам дня в его микроорганизме

не оказывалось несколько порций пунша.

Я уже было оторвался от кухонного стула, но новое появление все той же бабушки заставило меня вернуться к наблюдению за происходившим на улице. Бабуля остановилась ровно между дверью в свою парадную и подъездом, куда минуту назад зашел обмазанный мазутом коммунальщик, и что-то кинула к подвальному окошку. Я не сразу разобрал, что это, но через несколько мгновений, увидев вылезавшего из подвала черного облезлого котофея, понял: бабуля решила подкормить животное. Она отошла на пару метров в сторону, чтобы не мешать трапезе питомца, но тут неожиданно-негаданно на покрытый коркой льда тротуар из подъезда выскочил взъерошенный коммунальный мужчина. Увидев происходившее, он немедленно вступил в диалог с бабулей – стал что-то экспансивно объяснять ей, кивая на животное. Женщина же по мере сил отбивалась от его нападков, показывая куда-то вверх. Я тоже посмотрел туда и обнаружил не что иное, как начинавшую набухать сосульку. Прозрачная блестящая красавица ползла со скошенной крыши дома точно посередине между парадными. Я мысленно спроецировал ее возможное передвижение вниз и понял, что местом ее приземления будет именно та точка, в которой в настоящее время осуществлял свой уже, пожалуй, вечерний прием пищи четвероногий представитель андеграунда. В итоге не прошло и пары минут, как вся эта веселая компания рассосалась: подвальный житель юркнул в свое жилище, бабуля

скрылась в парадной, а представитель жилкомсервиса направился в сторону рюмочной, расположенной в соседнем доме.

– За то, что ты сказала мне: «Налей!», – проворчал я и все-таки двинулся в сторону спальни.

Раздвижной диван, компьютерный стол, компьютер, платяной шкаф справа от двери – вот и все, что составляло обстановку комнаты. Я разобрал диван, нашел в шкафу постельное белье, застелил себе ложе и улегся, хотя не было еще и шести. И почти сразу погрузился в сновидения, которые оказывались обычно очень яркими, когда окружающая среда навевала скуку, и, наоборот, тускнели, когда вокруг все вертелось в безумном хороводе, ходило ходуном и взрывалось, как китайская пиротехника.

Во сне по абсолютно пустому Московскому проспекту за мной бежали сотрудники собственной безопасности ООО «Бермудский треугольник», в котором я до недавнего времени числился юридическим консультантом. Разбрасывая ногами желтые опавшие листья, я мчался, как Усейн Болт за первым олимпийским золотом, как Геракл за керинейской ланью, как разгоряченные фанатки за Ромой Зверем, но все равно усы старшего из догонявшей меня группы становились все ближе и ближе с каждой секундой. Я свернул в арку, во дворы какой-то шикарной сталинки, оказался у дверей рюмочной, располагавшейся в первом же подвале тыльной стороны дома, и нырнул в ее спасительные объятия.

В помещении, как и на улице, не было никого. Я, грешным

делом, подумал, что придется самому себя обслужить, налив рюмочку рябины на коньяке, но тут откуда-то сбоку в пределы барной стойки вплыла дама, одетая вполне себе по форме заведения, только вот лицо ее наваяло на меня недобрые предчувствия. Выглядела она один в один как бывший губернатор и как нынешний председатель верхней палаты парламента.

– Чего уставился? – спросила она.

Я подошел к окну, находившемуся на уровне ног, и увидел именно ноги моих преследователей, удалявшиеся вглубь дворовой территории.

– Ты пить пришел или глазеть, консультант? – ворчливо поинтересовалась женщина, ставя перед собой стакан, заполненный до краев чем-то напомнившим мне зубровку.

– Простите великодушно, – проговорил я, подходя к барной стойке, – простите великодушно мою пролетарскую беспринципность и юношескую наглость, но не сочтите за труд сообщить мне ваше имя, ибо первый стакан я хотел бы выпить именно за знакомство, если это, конечно, не противоречит вашим моральным, религиозным или политическим взглядам.

– Можешь называть меня Дульсинеей, – сказала женщина.

– Тобосской? – уточнил я.

– Зачем Тобосской? Просто Дульсинеей. А можно Дусей. Дуся Стакан, – ухмыльнулась дама.

Я опрокинул в себя содержимое наполненной до краев ем-

кости.

– Ты, Тема, берегись трех вещей, – произнесла женщина.

Я стал лихорадочно соображать, называл ли свое имя, а она закончила:

– Автомобиля, бюджет не освоить и сосуль. Все остальное – пустяки сущие. Ферштейн?

– Ферштейн, – подтвердил я.

Я надеялся, что дама обновит опустевшую емкость, но тут в наше интимное пространство сна вклинился звук, похожий на писк огромного комара. На самом деле он оказался мелодией входящего моего нового телефона, к которому я еще не успел привыкнуть. Звонить могла только Ульяна – так оно и было. Я поднялся на локте и, приложив маленькую трубку к уху, сказал сонно:

– Чего тебе, звезда моя?

Затем я быстро поднес аппарат к лицу для выяснения временных координат моего вялого тела и не менее вялого сознания, которые кто-то невидимый и очень мудрый соединил в одной точке примерно двадцать семь лет назад. Шел десятый час.

– Так, поболтать, – ответила Уля. – Спишь, что ли?

– Нет, – зачем-то соврал я.

Мы болтали минут десять, пока текущие темы не были исчерпаны до самого дна, а потом Ульяна свернула разговор так же быстро и безапелляционно, как и развязала его.

– Пока, Темыч, – сказала она. – Ты, если что случится, не

звони. Лучше СМС скинь.

– Что случится?

– Ну что-нибудь. Напиши: «SOS». Не звони. У меня Роза подскакивает от этих телефонных трелей. И царапается, как чумовая.

– Так ты звук отключи.

– Тогда не услышу. Все, пока. Чмоки.

Я убрал телефон и заснул – на этот раз без сновидений.

Проснулся около девяти утра и, совершив героический переход по маршруту туалет – ванная – кухня, остановился у холодильника, внимательно изучая его содержимое. Ульяна, умница, каких мало, купила и яйца, и бекон, и сок. Я с воодушевлением выложил это все на гладкую поверхность стола.

– Ах, Уля, Уля-Уленька, целую тебя в губоньки, – запел я, колдуя над яичницей, – за то, что ты мудра, как Одиссей.

Съев яичницу и запив ее холодным мультифруктовым соком, я вновь занялся наблюдением за происходившим на улице, и первое, что бросилось мне в глаза, – сосулька значительно увеличилась в размерах: если вчера ее длина была сантиметров пятнадцать, то сейчас эта блестящая опасная красавица достигала полуметра.

День тянулся медленно и неинтересно. Из дома напротив выходили люди, по тротуару ходили люди, в автомобилях ехали люди, а я – сидел запертый в дурацкой квартире и недовольно смотрел на все это, бормоча очередной шедевр

про Ульяну.

Бабушка вышла из парадной около двух и направилась в сторону, противоположную станции метро. Через пятнадцать минут после ее ухода представитель коммунальной службы, в этот раз женщина, стала расклеивать на дверях в парадную какие-то объявления, параллельно сдирая разноцветные листы с рекламой продажной любви, которые час назад наклеил на практически все свободные вертикальные поверхности юноша в грязной черной куртке с надписью: «Утка по-пекински» и телефоном на спине. Бабушка вернулась около трех, покормила кота, прочитала объявление, задержавшись у него минут на пять, и зашла в парадную, оставив меня даже без намека на экшен-сюжет. Перекурив это дело, я решил отправиться на диван, подумав, что, возможно, при таком однообразии окружающей меня реальности сон будет не в пример красочным и интересным.

И действительно, поворочавшись минут пятнадцать, я оказался все на том же Московском проспекте, только теперь летел над ним метрах в пятидесяти от асфальта дороги, по которой, тыча вверх пальцами, бежала все та же парочка моих антагонистов. Внизу справа показалась арка, ведущая во двор, и я, заложив вираж, вошел в нее сантиметрах в двадцати от верхнего ее предела, а затем, приземлившись, попытался проникнуть в рюмочную. Дульсинея, видимо не признав вчерашнего консультанта, выгнала меня, чуть не залепив затрещину грязной половой тряпкой. Я, испугавшись

ее агрессивности, вновь взлетел и, набирая высоту, в отражении оконных стекол увидел свое тело, напомнившее мне тело то ли чайки, то ли баклана. Во двор вбежали преследователи, и тот, что постарше, усатый, закричал молодому, показывая на мою удалявшуюся в небеса серую тушку:

– Уходит, зараза!

А я действительно поднялся над крышей полюбившегося мне дома и полетел к центру города, наслаждаясь видами Петербурга. Внизу сменяли друг друга река Фонтанка, Сенная площадь, Невский и Суворовский проспекты. Увидев летающую тарелку «Невской ратуши», в которую собирались переселять весь чиновничий аппарат города, я полетел вниз и, аккуратно приземлившись на крыше, начал долбить ее клювом, вызывая на ней совершенно невообразимые разрушения. Через десять минут купол «Невской ратуши» треснул, обнажив роскошь какого-то огромного зала приемов. Посередине пустого помещения на каррарском мраморе пола стоял мужчина и злобно рассматривал меня в большие трещины крыши. Я испугался его взгляда и хотел было дать деру, но клюв застрял в образовавшейся от его же ударов трещине. Мужчина, увидев это, направил в мою сторону нечто при внимательном рассмотрении оказавшееся масонским крестом и начал читать что-то на латыни. Страх мой достиг своего верхнего предела и перерос в ужас, именно это и позволило мне извлечь клюв из ловушки треснувшей крыши. Меня подбросило вверх на пару десятков метров, а за-

тем я рухнул вниз, но вскоре выровнял полет и...

Проснулся.

– Господи Иисусе, – пробормотал я и направился на кухню за соком.

Шел третий час ночи – спал я долго. Решив перекурить, я сел на свое ставшее уже привычным место и посмотрел вниз, на пустоту ночной улицы.

Сон не шел более. Я пролежал в постели до утра, ворочаясь и иногда вставая на перекуры. Окончательно поднялся около восьми, вновь поплелся на кухню и, осмотревшись, сказал, укоризненно поглядывая на черный прямоугольник телефона:

– Ах, Уля, Уля-Уленька, целую тебя в губоньки, а ты мне закажи сорокоуст!

Сварил кофе, сделал яичницу и посмотрел, что изменилось снаружи за пять прошедших с моей последней вылазки часов. А там ничего не изменилось. Кроме сосули. Она за ночь вымахала так, как будто в ее тело вкололи специальных сосульных анаболиков. Ее собратья, усеявшие крыши домов, находившихся в поле моего зрения, тоже прибавили в длине за ночь, но эта, располагавшаяся прямо напротив моей темницы, точно была чемпионкой Васильевского острова по скорости роста.

– А ведь теоретически она может упасть, – сказал я, сделав глоток стремительно остывавшего кофе.

И тут же в качестве немого ответа на мой повисший в сжа-

том воздухе кухни даже не вопрос, а вообще невесть что со стороны станции метро к дому подошла целая бригада наряженных в оранжевое работников жилкомсервиса. Разыгралась беззвучная, по крайней мере для меня, миниатюра, из которой по беспорядочным телодвижениям коммунальщиц можно было догадаться, что их отряд планировал операцию по уничтожению свисавших с крыш домов сталактитов, и операция эта, судя по всему, представляла для них что-то похожее на переход Суворова через Альпы. Что-то героически-сложное. Закончив обсуждать стратегию и тактику борьбы с врагом, отряд ушел по Среднему проспекту в сторону моря, собираясь начать военные действия оттуда и последовательно уничтожать противника, продвигаясь к станции метро.

И снова настала скука, которую разбавляли лишь редкие пешеходы. Участок тротуара напротив обнесли небольшими оградками с натянутыми на них красно-белыми лентами, и люди шли по другой стороне улицы, которая не просматривалась с выбранной мною позиции.

Через несколько часов скука сменилась весельем: коммунальщики подобралась к дому, попадавшему в поле моего зрения, и их забавная суета на крыше и внизу помогла скоротать мне некоторое время в настроении чуть более приподнятом, чем в период искусственного коммунального штиля.

А еще через час настал черед дома, на крыше которого красовалась достигшая уже двухметровой длины сосу-

ля-матка, находившаяся ровно напротив моего окна. Четыре человека в оранжевых жилетах сгруппировались внизу, что-то горячо обсуждая, а потом, вместо того чтобы идти и рубить врага под корень, направились в сторону дома, где в одиночестве уже третьи сутки томился ваш покорный слуга, причем проспект они решили перебежать в месте, совсем для этого неподходящем.

– Куда вы пошли? – спросил я в тишине кухни. – Сбейте ее!

Дело шло к трем часам, и по логике этого магического места в скором времени бабушка должна была выйти из подъезда, чтобы покормить своего подвального питомца. Коммунальщики выделили пространство кормежки двумя маленькими оградками, превратив его в некое подобие гетто, куда лишний раз лучше было не заходить.

Какова вероятность того, что сосуля не упадет именно тогда, когда бабуля начнет равнозамедленное движение из парадной к маленькому окошку подвала, неся в руках парочку сосисок для своего подземельного друга?

Ответа я не находил, но и задача была не из легких. Олимпиадный уровень. Я закурил, всматриваясь в хрустальный блеск росшего прямо на глазах василеостровского сталактита. Сосулька сверкала в лучах редкого февральского солнышка и, немного подтаивая, капала на грязь тротуарной части Среднего проспекта. Капли эти как будто выбивали морзянку, и я машинально начал расшифровывать послание

прямо на пачке сигарет «Бронкс» ручкой, удачно оказавшейся на холодильнике. Три точки, три тире, три точки – слышалось мне в этой последовательности капель. Я встал и взволнованного забегал по кухне. «SOS», – говорила мне сосуля, и я не знал, что делать с этой новой задачей.

Тем временем коммунальщики и не думали возвращаться к работе, люди обходили загороженную часть тротуара, а бабушка не казала носу из парадной, видимо предчувствуя неладное.

А через полчаса из подземелья выглянула черная мордочка кота, который внимательно осмотрел обстановку и снова скрылся в подвале. Судя по всему, животное осталось недовольно увиденным.

Тем временем за окном темнело, вечер опускался на город. Коммунальщики так и не вернулись, видимо, решив заняться домом напротив завтра. Зато в начале седьмого из парадной все-таки вышла бабуля и быстрым, насколько ей позволял скользкий асфальт тротуара, шагом засеменила в сторону метро. А потом на то самое место, где обычно кормился кот, подошла, о боже, Ульяна и, остановившись, подняла голову, как будто пытаюсь разглядеть меня через небольшую горизонталь проспекта и вертикаль пятиэтажного дома. Я внимательно посмотрел на сосульку. По ней не удавалось определить, собиралась она падать или нет, но пока Уля стояла там, мне было как-то не по себе. Взяв со стола телефон, я набрал давно бродившее в моей голове «SOS, Уля» и от-

правил ей.

– Целую тебя в губоньки, а там в подвале где-то котопфей... – пробормотал я.

Ульяна прочитала сообщение и побежала на мою сторону проспекта.

Облегченно выдохнув, я направился было в коридор встречать красотку, но затем вернулся на кухню – навести порядок на столе.

– Вечером приехала... – сказал я пачке «Бронкса» и добавил с надеждой, вглядываясь в ее бело-золотистые цвета: – Может, на ночь останется?

Я снова посмотрел в окно и с ужасом отпрянул от него: на том же самом месте, где три минуты назад стояла Уля, переминались с ноги на ногу четверо знакомых мне мужчин. Точнее, знакомы мне были трое их них – сотрудники службы безопасности ООО «Бермудский треугольник» Михаил, Роман и Вася. Четвертого, громилу с абсолютно лысым черепом, я видел впервые.

– В моем саду, ланфрен-ланфра, три мусорка и боров... – пропел я и схватился за пачку сигарет.

И тут королева всех сосуллек решила совершить свой исход с крыши дома номер одиннадцать по Среднему проспекту Васильевского острова, полетев прямым в компанию, застывшую в изучении обшарпанного фасада здания, в котором находился предмет их интереса.

То есть я.

Она избрала своей целью самого крупного мужчину, что было вполне логично и соответствовало законам физики и теории вероятности, и врезалась ему в плечо. От неожиданности и силы удара тот свалился на тротуар, а сосулька, оторкошетив от его тела, также устремилась вниз и, стукнувшись об асфальт, разбилась на несколько больших ледяных кусков.

Пострадавший привстал на одно колено, держась за плечо. Чудом уцелевшая тройца обступила товарища, разглядывая его перекошенное от боли лицо.

В квартиру зашла Ульяна.

– Привет! Есть кто дома? – раздалось из прихожей. – Я с ночевкой!

Она прошла на кухню и, встав рядом, посмотрела вниз.

– Это безопасники из конторы, – объяснил я, кивнув на мужчин. – Они за мной.

– Значит, не показалось!

– Что?

– Как будто шли за мной. От метро. Вон тот усатик – так точно.

Тем временем «усатик» пытался помочь встать на ноги своему массивному коллеге, но тот не давался, продолжая стоять коленапреклоненным и зажатым от боли. Один из мужчин помоложе показал куда-то сторону залива, и бугай нашел в себе силы подняться. Компания медленно направилась туда, а Ульяна, с сияющей улыбкой повернувшись ко

мне, сообщила:

– Там клиника в квартале отсюда. Наверное, в нее пошли.

– Надо уходить, – ответил я.

Она молча прижалась ко мне всем своим упругим телом и поцеловала, заставив тем самым исчезнуть все мысли о возможном бегстве из этой квартиры, по крайней мере в ближайшие несколько часов. Мы укрылись в спальне.

Через час я выбрался на кухню на перекур и, присмотревшись к происходившему на улице, увидел бабулю, которая подкидывала что-то к подвальному окошку. Оттуда уже выглядывала наглая мордочка кота, освещенная светом квартир первого этажа. Бабуля удостоверилась, что котофей съел все, и, проводив его взглядом до входа в берлогу, зашла в свою парадную. Я же вернулся в спальню, где Уля лежала обнаженной поверх одеяла и, улыбаясь, смотрела на то, как отдельные части моего тоже не обремененного одеждой тела реагируют на такие вот картины маслом.

– Ах, Уля, Уля-Уленька, целую тебя в губоньки и чувствую: все ближе апогей, – сказал я и нырнул к ней.

В следующий раз проснулся нескоро, примерно в час ночи. Ульяна спала, как сурок, а я, поворочавшись без сна, решил совершить еще один променад на кухню. Я закурил, открыл окно и вдохнул холодный февральский воздух, ворвавшийся в ночное тепло василеостровской кухоньки. Я постоял минут пять, вдыхая попеременно то едкий табачный дым, то ночной каменный морозец, и хотел было уже закрывать

окно и возвращаться в постель. Меня остановила шатавшаяся фигура мужчины-коммунальщика, пересекавшего проспект. Он перешел дорогу и медленно побрел дальше, миновал парадную, из которой на божий свет все эти дни выбиралась сердобольная бабушка, и, поскользнувшись на крупных осколках сосули, так и не сбитой им сегодня и вынужденной совершить свое практически ритуальное самоубийство, упал на тротуар. Он разбил себе лоб и заорал что было мочи матом – так, что в ночной тиши это звучало как волчий вой на огромную желтую луну невезения. Я ухмыльнулся, закрыл окно, вернулся в спальню и через пять минут спал как младенец, уткнувшись в теплое плечо Ульянки.

А утром мы удрали в Купчино. В квартиру ее подруги Нади, укатившей в двухнедельный отпуск на Гоа.

Нить Ариадны

Три года прошло. Господи боже, без малого три года...

Я работал чиновником одного очень странного департамента, в котором никому не предлагали взятки. Ни директору, Льву Пантелеевичу Рохлину, ни самому маленькому чину. То есть мне. Департамент наш делился на управления, отделы и сектора, везде руководили свои начальники, и никому из них никогда не предлагали взятки. Начальники от этого очень печалились, кручинились и злились, а маленькие чины, специалисты да инспектора, плели друг против друга интриги, пытаясь выслужиться так, чтобы хоть немножко приблизиться к какому-нибудь начальственному креслу, а может, чем черт не шутит, и занять его. И тогда – ну конечно! – этот новоиспеченный начальник уж точно найдет лазейку к ручейку денег, протекавшему почему-то все время мимо кассы в щели других, более удачливых департаментов. Ведь он же голова, не то что тот, который занимал место до него! Но раз за разом не складывалось. Может, полномочия у департамента были не те. А может, просто непраха такая. Кто ж разберет? Назывался он департамент контроля информационного поля, и в полномочия его входило следующее.

Во-первых, контроль семантического материала, попадающего в сознание людей через частные медиапространства.

Во-вторых, редакционный контроль и ограничение по-

ступления информационного материала, негативно влияющего на функционирование вида.

В-третьих, коррекционное и медико-биологическое воздействие на зоны, подверженные негативному проективно-выборному влиянию неправомерного медиаполя.

Господи, да вы ведь сейчас заснете! Попробую покороче и попроще. Департамент, в котором я работал, занимался мониторингом частных медиапространств на территории вверенного ему субъекта Федерации на предмет соответствия выпускаемой в мир информации законодательству страны и законодательству этого самого субъекта Федерации. Я служил в отделе интернет-ресурсов. Были у нас отделы, которые занимались печатными изданиями, телевидением, книгами. Дел на всех хватало.

Рабочее утро я начинал с того, что в определенной, известной только мне логической последовательности просматривал пятьдесят вверенных мне интернет-порталов. Просматривал на предмет качества опубликованных новостей. «Гражданин С. в пьяном виде вывалился из окна девятого этажа на улицу Л.». «Горят несколько ангаров в промзоне девятого микрорайона». «Две станции метро заминированы с разницей в десять минут». «Вирус С-4 преодолел эпидемиологический порог, гражданам не рекомендуется выходить из мест своего пребывания без специальных респираторных масок». Это были правильные новости. То, что доктор прописал. А если в общем строю этих сообщений вдруг

возникало что-то похоже на «Гражданка Серебрякова полностью исцелена от рака желудка третьей степени», то я должен был немедленно принять меры – сообщить о нарушении в управление информационных технологий нашего же департамента, и они в течение пяти минут блокировали соответствующий интернет-ресурс, пока там не вносили необходимые изменения.

Со мной в отделе работало еще около сорока человек, а во всем департаменте – почти тысяча. И никому не давали взятки. Даже не предлагали. Наверное, так происходило потому, что департамент наш был абсолютно засекречен. Не существовало его ни в официальных справочниках администрации, ни в том самом медиапространстве, которое мы с упоением ворошили и чистили от всяких опасных бредней. Формально нас не существовало. А на самом деле мы существовали. Еще как существовали. И есть нам тоже хотелось!

Не то чтобы мы вырезали любую позитивщину, нет, но если речь шла о какой-нибудь важной победе – над болезнью, над немощью, в спорте, в искусстве или еще где, – то обязательным условием допуска такой новости до массовой аудитории было подчеркивание роли государства в этой победе. Не дозволялось просто взять и написать, что гражданка Серебрякова победила рак благодаря вере в Бога, профессионализму врачей, уверенности в собственных внутренних ресурсах и безоговорочному желанию жить. А как дозволялось? Так: «Гражданка Серебрякова полностью исцелена от

рака благодаря новейшим достижениям отечественной медицины, превзошедшим любые мировые стандарты, в частности технологии Бангладеш». Так могло пройти. И проходило. Работали мы с девяти до шести, как и большинство государственных учреждений. В пятницу – до пяти. А после? После я шел домой, в маленькую однушку, доставшуюся мне от родителей.

* * *

И вот в одну из осенних пятниц я вышел со службы и направился в сторону дома. Если позволяла погода, ходил пешком – полезно как для физического, так и для душевного здоровья. Я миновал закрытые на тотальный досмотр станции метро, обогнув столпившихся у входа недовольных опаздывавших пассажиров. Смиренно пропустил несшиеся куда-то пожарные машины, гудевшие своими мощными сиренами. При переходе улицы Ленина меня чуть не сбила карета скорой помощи, которая мчалась куда-то на красный сигнал светофора. Чем ближе я подходил к окраинам города, тем более напряженными и угрюмыми становились лица прохожих и менее трезвыми их взгляды. Мне тоже очень хотелось сделать свой взгляд таким же, слегка затуманенным, но я честно держался, потому что не желал изменять своему любимому бару «Нить», находившемуся в подвале дома, где я жил. Мой план на вечер пятницы был сверстан еще в

прошлое воскресенье и являл собой двухходовую комбинацию: выпить в баре несколько кружек пива, затем, поднявшись домой, посмотреть последнюю часть «Голодных игр». План этот завораживал меня своей красотой и простотой, и я, задумавшись о нем, сам не заметил, как увеличил скорость движения.

К бару я подошел через час и мгновенно окунулся в его пятничную доброту и уют. В заведении было два зала: маленький, на три небольших столика, и общий, столов на десять, с барной стойкой и выходом в санитарную зону. Первым делом я направился к барной стойке, где пожал руку бармену Славке и, получив от него рюмку с пятьюдесятью граммами ледяной водки, выпил ее, заюхав сухариком, который бармен положил рядом со стопкой. Затем съел сухарик, благодарно кивнул Славке и направился во второй зал, где около окна, сквозь которое удавалось наблюдать лишь ноги проходящих мимо людей, мне уже был забронирован столик – маленький, на две персоны. Дело шло к половине седьмого, и свободные места еще были, но около восьми бар забился битком, и мой столик оказался единственным, где оставался незанятый стул. И вот, когда я допивал третью кружку светлого местного лагера, планируя плавно отступить к дому, повторив по ходу движения маленькое мероприятие у бармена, напротив меня появилась удивительной красоты девушка. Черные длинные волосы, убранные в аккуратный хвостик, эффектно подчеркивали овал бледного, с миниму-

мом косметики лица и выразительность темно-карих глаз, в которых светились искорки какого-то странного веселья.

– Можно я присяду? – спросила девушка, уже усевшись передо мной.

Кивнув, я неожиданно выдал нечто совсем для меня нехарактерное:

– Ни фиги себе.

– Сама себе удивляюсь. Но мест свободных нет. А выпить надо.

– Да я не про то, – начал оправдываться я. – Просто непонятно, вы реально настолько красивы или это мое субъективное представление о вас, немного подкрашенное выпитым, берет вверх над объективным началом?

– Это не ко мне вопрос, – ответила девица и завертела головой в поисках официанта.

Официантка Маша подошла минут через пять – сказывался плотный пятничный график, – девушка заказала себе коньяк и иронично посмотрела на мое заканчивавшееся пиво. А у меня все было рассчитано: водка, пиво, деньги, возвращение домой, фильм и субботний день без головной боли.

– Обнови, – грустно вздохнув, сказал я Маше.

Она удивленно посмотрела на меня, по всей вероятности вспоминая, видела ли когда-нибудь подобное.

Нет, не видела – таков был ответ на ее молчаливый вопрос, но и девушки настолько красивые, как эта таинственная незнакомка, тоже ранее не подсаживались ко мне. Вооб-

ще, так близко я в последний раз видел девушку два года назад, когда Римма, собирая вещи, кричала, что я чертов маразматик, педант и еще одно матерное определение. Маразматик! А мне ведь на тот момент не было и двадцати шести. Вот так. Маша принесла коньяк, пиво, и мы выпили за знакомство.

– Ариадна, – сказала девушка, протягивая мне красивую ладонь без следов украшений и маникюра.

– Тогда я, получается, Тесей, – ухмыльнулся я, отвечая на ее рукопожатие.

– А на самом деле? – Она забрала ладонь, обхватив рюмку с напитком.

– А на самом деле Даниил.

– Отлично.

Мы разговорились. Погода, музыка, фильмы, занятость, теософия и даже немножко футбола оставили за скобками осознанного восприятия целый час времени, еще два коньячных фужера и две рюмочки водки, а затем ее вопрос, прямой, как палка, и неожиданный, словно визит Следственного комитета, отбросив все скобки, вернул меня в реальность происходившего.

– Что дальше будем делать?

Это «будем» повергло меня в подобие клинической смерти. Я словно чуть приподнялся над столиком, взлетев к потолку, а потом вернулся обратно в тело и сказал, не придумав ничего лучше:

– Я собирался «Голодные игры» смотреть. Новый фильм.

– Отлично, – быстро одобрила Ариадна. – А где ты живешь?

Я рассказал, что живу вовсе и не далеко, и это привело барышню в полный восторг.

– Отлично! – повторила она. – Пошли!

Когда мы выходили из полуподвального помещения рюмочной, на секунду мне показалось, что какая-то большая птица – то ли чайка, то ли баклан, – испугавшись чего-то, взмыла вверх чуть правее выхода наружу, но я не стал обращать на нее слишком много внимания. Для внимания у меня образовался другой объект, и я надеялся, что объект этот, в отличие от чайки, не упорхнет в небеса так же быстро и неожиданно, как появился в поле моего зрения.

* * *

Никаких «Голодных игр» мы не смотрели. И не пили больше. Матушка-природа, управляя нашим поведением, заставила нас сыграть в игру, которую она же и придумала, и в которую много-много лет с удовольствием, несравнимым, наверное, ни с чем, играла вся взрослая часть человечества.

Потом мы курили на балконе, закутавшись в одно на двоих одеяло. Второго у меня просто не было, а температура ночного осеннего воздуха не позволяла делать это без него.

И только потом мы выпили по рюмочке коньяка, бутылку

которого мне дарили черт знает на какой день рождения, и она выжила, несмотря на сотни сменивших друг друга пятниц. Может, потому, что я не очень-то любил коньяк. Затем мы выпили еще и еще. Мы разговаривали о музыке, фильмах, книгах, ораторах, о происхождении видов, религии и вере. О государстве и государственном устройстве, о снах, о танцах на льду, еще немного о футболе, и наконец я проболтался ей, где работал.

Она несколько секунд молча смотрела на меня своими огромными карими озерами. Они стали совсем темными, может, от коньяка, а может, просто от света моей тусклой лампы. Потом сказала тихо, но очень внятно, хотя до того ее приятный низкий голос был несколько расслаблен от выпитого, что немного отражалось на дикции:

– Так это ты вырубил сегодня мой блог?

Настала моя очередь застыть в удивлении, но я довольно быстро пришел в себя.

– Едва ли. Мы контролируем только те ресурсы, где подписчиков более пятидесяти тысяч.

– У меня как раз около, – сказала Ариадна.

Я примолк и испуганно завращал глазами. Потом нашелся:

– Что за запись?

– Сегодня утром я опубликовала новость о том, что один парень, воспитанник детского дома номер четыре, победил в чемпионате города по быстрым шахматам в возрастной ка-

тегории до четырнадцати лет. И почти сразу мой блог перестал функционировать и до вечера так и не включился.

– Зачем ты это сделала? – спросил я.

– Что – это? – не поняла Ариадна.

– Разместила такую новость в своем блоге?

– У меня все новости такие, – пожала плечами девушка.

– Как это? – удивился я, а потом рассмеялся над неповоротливостью собственного мышления. – Ты пятьдесят тысяч подписчиков недавно набрала, верно?

– Да. На прошлой неделе.

– Ну вот, – улыбнулся я. – И автоматически попала под колпак контроля.

– И когда меня теперь включают?

– Никогда, – сказал я, – если у тебя все новости такие.

Ариадна посмотрела на меня глазами, полными абсолютного непонимания.

– А какие должны быть новости? – спросила она.

Настала моя очередь смотреть на нее с таким же точно абсолютным непониманием. Я не нашел ничего лучше, как сунуть под нос девушке планшетный компьютер. Она отшатнулась от черного прямоугольника «Самсунг» как черт от лада-на, видимо, была «яблочницей», но затем все-таки присмотрелась к новостям одного популярного интернет-ресурса. И отпрянула еще раз, больше не придвигаясь ко мне, как будто мы на секунду вернулись в Средневековье и я протягивал ей платок, снятый с головы случайно забредшего в город про-

каженного.

– У тебя есть мирамистин? – спросила она спустя минуту напряженного молчания. Увидев, что меня захлестнула очередная волна недоумения, объяснила: – Я целовалась с тобой.

– Коньяком прополощи, – сказал я.

Она примолкла, обидевшись, а я, подождав минуту, легонько толкнул ее плечом, предлагая забыть произошедшее и начать все заново. Но не тут-то было.

– Как ты можешь такое покрывать? – возмущенно произнесла она. Взгляд ее был направлен на фотографию Пинк на заставке моего планшета. – Ведь это сплошная ложь!

– Почему? – удивился я. – Проверенные факты.

– Ложь покрываешь – и доволен! – не сдавалась девушка.

– Да почему?! Ты вообще о чем? О каком факте?

– Дай сюда! – сказала она, кивнув в сторону планшета.

С неприязнью взяв его, прочитала новость на незакрытой мной странице. И действительно, в ее устах новость эта прозвучала совершенно неестественно.

– Гражданин С. в пьяном виде вывалился из окна девятого этажа на улицу Л. Что это такое? Это же ложь!

– Почему? – не понял я. – Это факт. Откуда ты прочитала?

Я забрал у нее планшет и всмотрелся в экран, где постоянно обновлялась лента новостей интернет-газетенки, которую в данный момент курировали мои ночные коллеги.

– А-а... «Желтая струя Семирамиды»... Им сведения

менты поставляют. Только проверенные факты.

– Проверенные факты, – еще сильнее разозлилась она. – Проверенные факты, значит?

Она принялась застегивать свою удивительно красивую блузку.

– Ты что делаешь? – завопил я, когда она, одевшись, направилась к выходу.

Она не ответила, и только хлопнувшая дверь сообщила мне о том, что Ариадна ни с того ни с сего покинула мою квартиру. Я посидел пару минут в тишине, тоскливо рассматривая экран планшета, а затем включил «Голодные игры». Через час, так и не досмотрев фильм, лег спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.